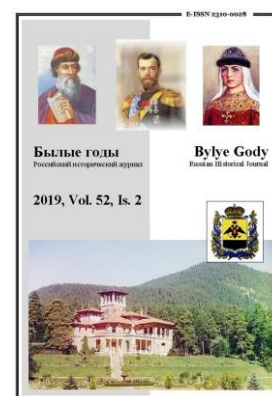

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 615-623. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.615
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«If It Is Possible, Build into Khan's Dignity»: the Perception of the 1920s Reforms by the Ethno-Elite of the Middle Zhuz XIX century (according to Materials of Deputy Missions of Kazakh Sultans to Petersburg)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of the Sultans deputy missions of the Middle Zhuz, who followed to St. Petersburg after the introduction of the Charter on Siberian Kyrgyz 1822, on the basis of documents identified in the RGIA. Deputy missions have become evidence of Russia's readiness to conduct a dialogue with him and build partnerships. During the missions, it was occurred that the leveling and settlement of the most acute problems which emerged in the process of implementing the Charter of 1822 and also duties, forming in the steppe a network of Russian primary school institutions. The author of the article concludes that in the process of discussing the totality of these problems, Russia demonstrated loyalty and willingness to compromise on issues that did not fundamentally violate the course and logic of the administrative changes that began in the Middle East. Otherwise, it took a principled position and defended its interests. This situation was most clearly manifested in the issue of the Institute of the khan power fate, liquidated in the Middle Zhuza on the eve of the introduction of the 1822 Charter.

Keywords: Charter of 1822, Reform, Russian Empire, Middle Juz, Kazakhs, Khan's power, Islam.

1. Введение

Как известно, в 20-х гг. XIX в. Россия приступила к реализации в казахской степи серии реформ, направленных на распространение имперской модели административно-территориального, судебного и налогового устройства. Несмотря на стремление правительства к созданию упрощенного и экономически малозатратного «управления кочевыми подданными государства через использование традиционных социально-властных связей и институтов» (Васильев, 2015: 65), последние подверглись существенной трансформации и со временем были интегрированы в общеимперскую политико-правовую систему. Отправной точкой реформ 1822 г. стала отмена института ханской власти в Среднем жузе, заложившая основы юридического вхождения данного этнополитического образования в состав Российской империи.

В достаточно обширной литературе, освещающей процесс реализации положений Устава 1822 г., закрепилось представление о крайне негативной реакции казахской этноэлиты Среднего жуза на ликвидацию ханской власти в степи и проведение административных преобразований. Ее проявлением стали массовые акции протеста, принимавшие разнообразные формы: от откочетов султанов с подвластными им родовыми подразделениями за пределы создаваемых в регионе территориальных единиц – округов и волостей – до открытого вооруженного сопротивления региональным органам власти. Кульминацией антирусского движения принято считать восстание

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

казахов Среднего жуза под руководством К. Касымова, продолжавшееся в течение десяти лет – с 1837 по 1847 гг. (Бекмаханов, 1947).

Однако выявленные автором статьи материалы депутатских миссий казахских султанов ко двору российских императоров в 20–30 гг. XIX в. позволяют поставить под сомнение представление об исключительно антироссийской ориентации казахской элиты, заявить о ее готовности дипломатическими методами решать проблемы, порожденные введением Устава 1822 г.

2. Материалы и методы

Основой для подготовки статьи выступили материалы депутатских миссий казахских султанов и родоправителей Среднего жуза ко двору российского императора Николая I, выявленные в РГИА. В фонде 1291 данного архива сосредоточена делопроизводственная документация, отражающая информацию по организации поездок миссий и их пребыванию в Петербурге. Наиболее важными для определения позиции этноэлиты Среднего жуза по вопросам реализации Устава 1822 г. являются ее просьбы-прошения на имя императора Николая I, а также переписка центральных и региональных органов власти (Азиатского департамента МИД, Земского отдела МВД, западносибирского генерал-губернатора) по рассмотрению прошений и заключению по ним.

Методологической основой статьи выступает цивилизационный подход, позволяющий оценивать депутатские миссии казахских султанов в Петербург в 20–30 гг. XIX в. как форму взаимодействия двух культур с различными цивилизационными кодами – европейской (христианской/оседлой) и азиатской (мусульманской/кочевой). Для реализации исследовательских задач в статье использовались конкретно-исторические методы познания. Историко-генетический метод позволил выявить причины и факторы, обусловившие использование казахской этноэлитой дипломатических подходов для решения вопросов реализации Устава 1822 г. Историко-системный метод применялся для реконструкции истории «депутатских миссий» во взаимосвязи с общей историей политики Российской империи в отношении традиционного казахского общества.

3. Обсуждение

В историографии накоплен значительный объем эмпирических знаний по истории подготовки Устава о сибирских киргизах 1822 г. (Ермекбай, 2018: 18-27; Морозов, 2011: 138-152) и реализации его положений в Среднем жузе (Бекмаханов, 1947; Быков, 2003; Зиманов, 1960). Нормативно-правовые аспекты администрирования в казахской степи, в том числе на основе анализа Устава 1822 г., в контексте изучения проблемы моделирования общеимперского пространства нашли отражение в исследованиях А.В. Ремнева, Д.В. Васильева, С.В. Любичанковского и др. (Васильев, 2014; Любичанковский, 2013: 59-68; Ремнев, Суворова, 2013; Shaidurov, Norkina, 2015: 623-632; Larina, Shaidurov, 2015: 460-466). Помимо общих вопросов подготовки и реализации реформы 1822 г., в исторической литературе получили отражение отдельные ее аспекты: создание системы местного самоуправления, роль казачества в формировании округов, организация медицинской службы в казахской степи (Alpyspaeva, Sayahimova, Jumaliyeva, 2019: 176-187; Алпыспаева, Саяхимова, 2018: 17-22; Лысенко, Анисимова и др., 2014; Shaidurov, 2014a: 239-244; Shaidurov, 2014b: 245-251).

В целом нужно отметить, что в исторической литературе, посвященной проблеме реализации Устава 1822 г., преобладают исследования, демонстрирующие модернизационное воздействие имперского центра на традиционное казахское общество. Значительно меньшее внимание исследователи уделяют вопросам реакции казахского социума на проводимые Российской империей преобразования в степи. В работах данного плана внимание акцентируется на народно-освободительной борьбе кочевников и антироссийской пропаганде, проводимой родоплеменной элитой (Галиев, 1993: 101-112; Национально-освободительная борьба ..., 1996; Сулейменов, Басин, 1977).

В то же время, как показали результаты исследования, проведенные автором данной статьи, наряду с активными антиправительственными выступлениями, достаточно действенной формой взаимодействия казахской этноэлиты с центральными и региональными органами власти в период реализации Устава 1822 г. стали депутатские миссии к российскому императорскому двору. С помощью дипломатических методов степная аристократия предпринимала попытки урегулирования проблем, порожденных административными преобразованиями в Среднем жузе в 20–30 гг. XIX в.

4. Результаты

«Депутатские миссии» как форма межцивилизационного взаимодействия между российским правительством и казахской политической элитой стали активно практиковаться в начале XIX в. Они позволяли регулировать многие вопросы казахско-российских отношений: проблемы подданства казахов, торговли, безопасности русских торговых караванов, следовавших транзитом через казахскую степь в Хиву, Бухару, Китай и т.д. (Lysenko, 2019: 138-148). Отправка депутатских миссий от казахских родоправителей в Петербург активно поощрялась российской властью. Членам миссий в ходе визитов предоставлялись преференции и льготы, офицерские и гражданские чины, денежные пособия, что способствовало формированию лояльно настроенной по отношению к России группы

кочевого общества. Данная форма сотрудничества оказалась вполне продуктивной. К моменту введения в действие Устава 1822 г. в степи имелась пророссийски ориентированная прослойка, принявшая активное участие в формировании новой модели административно-территориального устройства и выборах на должности в системе местного самоуправления.

С отменой ханской власти в Среднем жузе и введением Устава 1822 г. российское правительство продолжило реализацию практики отправки в Петербург депутатских миссий от казахских родоправителей. Так, в параграфе 281 Устава было записано «дабы киргизские султаны не лишены были способа лично уверяться в расположении к ним верховной власти, то позволяется султанам целого округа совокупно отправлять депутации в Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 4 об.-5). Принятое несколькими годами позже, в 1828 г., решение Азиатского департамента МИД направлять депутации от «только таких султанов, кои ...имеют действительную в том надобность по какому-либо чрезвычайным случаем», касающихся либо их самих, либо казахского народа (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л.1-1 об.), позволяет утверждать, что желающих воспользоваться правом прибытия к императорскому двору, предоставленным Уставом 1822 г., было слишком много.

В фондах РГИА отложились материалы как минимум четырех депутатских миссий казахских султанов Среднего жуза в Петербург, состоявшихся в 20–30 гг. XIX в. Среди них миссии султана Сартай Чингисова в 1826 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148), султана Губайдуллы Валиева в 1828 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 119), старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа Турсуна Чигасова в 1829 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127), подполковника Кунур-Кильчжи-Худай-Мендина и султана Сартая Чингисова зимой 1834 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148). Центральное место в письмах-прошениях к императору Николаю I от депутатских делегаций занимали вопросы реализации в Среднем жузе Устава 1822 г.

Как известно, логика административных реформ была нацелена на ликвидацию института ханской власти и введение выборности на руководящие должности в системе управления Средним жузом (Васильев, 2015: 66). Так, Окружной приказ состоял из пяти человек: султана-правителя, «почетных киргизов» и двух российских чиновников. Старший султан избирался из султанского сословия сроком на три года, но за ним сохранялось право переизбрания на второй и другие сроки. После процедуры выборов он утверждался в должности Омским областным начальством. Последнее обстоятельство позволяло российской администрации контролировать деятельность окружного приказа, проводить на должности лояльно настроенных к ней казахских лидеров, реализовывать необходимые ей мероприятия в казахской степи. Как отмечают исследователи, «султанам-правителям окружных приказов по Уставу 1822 г. назначалось фиксированное жалование из государственной казны, что, безусловно, кардинально меняло их социальный статус, интегрировало в среду чиновников Российской империи» (Лысенко, Куликова, 2013: 183).

С принятием Устава о сибирских киргизах 1822 г. казахская этноэлита была убеждена в возможности возрождения института ханской власти в Среднем жузе. Свое видение ситуации она представляла российской стороне в форме «прошений» императору, в которых превалировала достаточно мягкая формулировка, не содержащая ультимативной коннотации: «если возможно, возвести в ханское достоинство» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 45 об.). При этом каждая из приезжавших к императорскому двору депутатских миссий от родоправителей Среднего жуза предлагала кандидатуру своего султана на ханское звание, что свидетельствовало о центробежных тенденциях в жузе.

Так, в 1829 г. одновременно прибывшие в Петербург от старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа султана Турсуна Чигасова две депутатские миссии передали прошения об утверждении каждого из них в ханском звании (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 1-1 об.). В случае, если «возведение в ханское достоинство» было невозможно, ими предлагалось сделать звание старшего султана пожизненным с правом его передачи по наследству. В ходатайствах также содержалась просьба всем султанам – потомкам хана Среднего жуза Аблая – «пожаловать княжеское достоинство в вечное потомство, дабы тем дворянский род их не пресекался». Таким образом, казахской этноэлитой предлагался вариант, учитывающий, как она предполагала, интересы двух сторон: формирование в степи российской административно-территориальной системы управления при сохранении для родовой аристократии права наследования должностей и поддержании ее высокого социального статуса.

Прошения старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа султана Турсуна Чигасова о возведении их в ханское звание были рассмотрены по Высочайшему повелению в Азиатском департаменте МИД в июне 1830 г. Позиция Департамента основывалась на том, что «ханское достоинство служило всегда более нам ко вреду, нежели в какую-либо пользу, поставляя препятствия во всех начинаниях нашего правительства. Оставление же звания старшего султана наследственным, с пожалованием княжеского титула, имело бы все те же невыгоды». Безосновательным представлялось и «домогательство о причислении к российскому дворянству», поскольку по Уставу 1822 г. «киргизы и без того имели право в известных случаях быть причисленными» к данной социальной категории. Поэтому Азиатский департамент отказал казахским депутациям в удовлетворении их просьб на основании «явного несообразия их с благими намерениями нашего правительства в отношении киргизцев» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127.

Л. 68-71 об.). Таким образом, российская сторона продемонстрировала последовательность и бескомпромиссность в реализации реформы 1822 г.

Региональные власти поддержали решение Азиатского комитета МИД. Генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов считал, что ходатайство об учреждении в степи ханского звания противоречит логике Устава о сибирских киргизах 1822 г. В процессе его реализации территория жуза была разделена на 8 округов, «один от другого не зависящих, и все они уже подчинены Омскому областному начальству». Невозможным было, по мнению администратора, введение права передачи должности старшего султана по наследству. И.А. Волконский подчеркивал, что в случае реализации данного права, его «будут домогаться» все избранные для управления округами старшие султаны. «И тогда вся орда, – отмечал он, – вместо внешних округов будет составлять, так сказать, восемь или десять наследственных поместьев, управление коих не будет соответствовать уже благодетельной цели, с коей узаконено в оных иметь избирательных старших султанов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 253-254).

Принципиальной была позиция И.А. Волконского в вопросе присвоения потомкам хана Среднего жуза Аблая дворянского звания. По Уставу о сибирских киргизах 1822 г. его получали старшие султаны за выслугу лет с правом передачи «только одному старшему сыну или тому, которого отец назначит, не распространяя отнюдь достоинства сего на прочих сыновей». Генерал-губернатор считал, «по многоженству магометанскому допускаемому, от сих только двух родов ханов Аблая и Букея, столько размножится в Средней киргизской орде бесполезных князей, что они будут только в тягость (российскому – авт.) правительству». Возможность получить дворянское звание за выслугу лет, по мнению И.А. Волконского, должна была подчеркивать высокое социальное положение старших султанов и отличать их «от прочих старших султанов, происходящих не от ханского рода» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 254-255 об.).

Наряду с административными преобразованиями в казахской степи, Устав о сибирских киргизах 1822 г. был нацелен на реализацию целой серии социальных программ, которые полностью соответствовали государственной концепции интеграции национальных окраин в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. Патерналистские убеждения и мессианская роль России в отношении инородцев нашли отражение в проведении политики оседания кочевников и их приобщения к земледельческому труду, трансформации традиционных социальных институтов и связей, закреплении в религиозном сознании казахов монотеизма (ислама) посредством направления в степь татарских мулл, внедрении российской образовательной системы и русского языка.

Данный комплекс мероприятий, который стал реализовываться в Среднем жузе после принятия Устава 1822 г., также становился предметом обсуждения депутатских миссий, прибывавших к императорскому двору. В прошениях, передаваемых Николаю I, содержалась просьба не разрушать традиционный уклад жизни кочевников и приостановить начавшиеся мероприятия. Так, в прошении старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова, переданного в 1930 г., было записано: «Дабы киргизам позволено было проживать в своих кибитках войлочных; чтобы владение землею, водою и лесом навсегда оставалось за ними, чтобы земли не межевать, чтобы в Кокчетавском округе, ему подвластном, укреплений и деревянных домов не строить, пашен не пахать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 68-71 об.).

Не настаивая на массовом оседании кочевников, российские власти заняли принципиальную позицию в вопросе строительства стационарных построек на территории открываемых округов в Среднем жузе. В официальном ответе Аблаю Габбасову подчеркивалось, что согласно отдельным положениям Устава 1822 г. в каждом округе должны быть построены дома для размещения окружного приказа, его членов, чиновников канцелярии, переводчиков-толмачей, молитвенные и больничные дома, казармы для казаков. Неизбежным был процесс земельных изъятий у кочевников, необходимый для выделения участков, пригодных «для занятия земледелием чиновникам российским и заседателям от киргиз в окружном приказе». Таким образом, депутатские миссии не смогли предотвратить начало процесса экспроприации земли у кочевников, который принял массовый характер в конце XIX – начале XX вв. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 256-267).

Высказывались казахские родоправители и против направления в казахскую степь указных татарских мулл. В сложившейся практике официально занимать должность исламского проповедника могли духовные лица, получившие разрешение от высшего органа мусульман империи – Оренбургского духовного собрания. Отправка в степь указных мулл автоматически означала, что казахи попадали в сферу влияния данной структуры. Однако степная элита была настроена против внедрения подобной практики и стремилась сохранить автономию в вопросах веры. Поэтому она ходатайствовала перед императором Николаем I «мечетей и школ не заводить, ахунов и указных мулл не отправлять, ибо у кочующих киргизов муллы есть, а ежели в каждом селении и будут муллы, то приказать им находиться при старшинах и волостных султанах, при биях и старшинах в должности писарей и позволить детей своих не отдавать в школы учиться» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 69).

Региональные сибирские власти считали, что данную совокупность просьб казахских правителей вполне можно удовлетворить. В частности, генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов на запрос Азиатского департамента МИД по данному вопросу предлагал «заведение

мечетей, магометанских школ и определение ахунов и мулл предоставить собственному распоряжению старших и волостных султанов, тем более что о сем нигде не упомянуто в Уставе». Кроме этого, администратор считал нецелесообразным настаивать на открытии русских школ в степи, поскольку «подозрительные киргизы не перестают думать, что их намерены обратить в христианство, и обучение своих детей в наших школах почитают вернейшим к тому средством». Он предлагал принимать в русские учебные заведения только тех детей, родители которых «сами того пожелали». Депутатским миссиям, прибывавшим в Петербург, в рамках данного вопроса разъяснялось, что согласно п. 246 Устава 1822 г. «Дети султанов и старшин буде пожелают, принимаются в военно-сиротские отделения на линии, устроенные на казенное содержание». При этом подчеркивалось, что на основании п. 247 и 248 Устава их «к этому принуждать» никто не собирался (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 122-122 об.).

Определенный компромисс в ходе визитов депутатских миссий был найден и в вопросе налогообложения. По Уставу 1822 г. в Среднем жузе впервые вводился натуральный налог со скота (1 голова со ста голов) в пользу Российской империи. Не высказываясь за отмену налога, в прошениях депутатских миссий содержалось предложение собирать налог «жеребьями, считая двух за одну лошадь...». После серии консультаций Азиатского департамента МИД с региональными органами власти было принято заключение «сделать некоторое облегчение дозволением в иных случаях заменять лошадей жеребьями». Но принятие окончательного решения по данному вопросу возлагалось на «усмотрение генерал-губернатора Западной Сибири, который более знаком с обычаями и жизнью киргиз и может лучше знать, надо это менять или нет» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 71 об.). В апреле 1831 г. генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов сообщал в Азиатский департамент МИД о том, «что Сибирский комитет принял решение сделать некоторое облегчение в сборе ясака, как просили депутаты Аблая Габассова в 1830 г.». Таким образом, была изменена численность и видовой состав скота, подлежащий налогообложению и ходатайство казахских родоправителей было удовлетворено (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 334).

Предметом российско-казахского диалога стал вопрос о введении делопроизводства на русском языке в Окружных приказах Среднего жуза, предусмотренного Уставом 1822 г. Российские власти признавали тот факт, что «трудно кочевым народам привыкнуть к письменности наших судебных мест». Поэтому они рекомендовали «в приказах внешних округов следовать самому простому и сообразному с местными обычаями способу решать тяжбы», т.е. на казахском языке. Членам казахских депутатских миссий, поднимавших данный вопрос, разъяснялось, что по Уставу 1822 г. разрешалось «тяжбы обоюдные рассматривать между собою по древним обычаям», «ибо в параграфе 215 сказано, что все исковые дела разбираются посредством биев в аулах и волостях», в параграфе 216, что «бии решают оные словесно по киргизским законам и обычаям». «Параграфы сии были переведены на татарский язык и объявлены всему народу». Российским чиновникам-заседателям в Окружных приказах предписывалось больше знакомиться с бытом кочевников и стремиться изучать казахский язык (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 125 об.-126 об.).

Находившаяся при императорском дворе в феврале 1827 г. депутатская миссия султана Среднего жуза Сарта Ючина подняла вопрос о воинской повинности (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 1-10б.). Как известно, по Уставу 1822 г. казахи, отнесенные к категории сибирских инородцев, освобождались от рекрутского набора. Тем не менее родоправители высказывали опасения, что им придется направлять своих сарбазов в российскую армию. Поэтому депутаты от султана Сарта Ючина затребовали от Департамента МИД императорскую грамоту, подтверждающую освобождение от воинской повинности подвластных ему родовых подразделений.

В грамоте, выданной на имя Сарта Ючина в апреле 1828 г., было записано: «Киргиз-кайсаки найман-каракиреевского народа всегда обращали на себя Монаршее внимание своим верноподданническим усердием и постоянною приверженностью к Всероссийскому Императорскому престолу. С особым удовольствием Мы взираем на благоразумное поведение султана сего рода Сарта Ючина, на его ревностное исполнение распоряжений правительства в том крае, клонящихся ко благу киргиз-кайсаков, главнейшее же на его усердие в охранении российских караванов, отправляющихся в ближайшие китайские города для торговли, с защитою грабежей и преподанием всякой помощи в их нуждах. В ознаменование нашего императорского благоволения к сим достохвальным поступкам султана Сарта Ючина, ...мы удовлетворяем его нашим императорским словом, что при точном исполнении им верноподданнических обязанностей он во все времена с подвластным ему найман-каракиреевским народом будет пользоваться Нашею императорскою милостью и всегдашнею свободою от рекрутства. В подтверждение сего мы жалуем Императорскую нашу грамоту султану Сарту Ючину...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 230-231 об.).

Возникновение подобной ситуации, на наш взгляд, могло быть связано с двумя причинами. Во-первых, слабой разъяснительной работой региональных органов власти, которую они должны были проводить накануне введения Устава 1822 г. Во-вторых, стремлением отдельных родоправителей усилить свою власть и позицию в Среднем жузе посредством получения дополнительных преференций от российской администрации, в данном случае – грамоты об освобождении подвластных им родов от воинской повинности.

С конца 30-х гг. XIX в. практика отправки депутатских миссий от казахских родоправителей ко двору российских императоров стала изживать себя. По всей вероятности, это было связано с дальнейшим укреплением военных позиций Российской империи в казахской степи и проведением новой волны административных реформ, ограничивающих высокий социальный статус казахской этноэлиты.

5. Заключение

В заключении следует отметить, что, безусловно, важнейшим фактором, предопределившим российско-казахское межцивилизационное взаимодействие, выступили патерналистские взгляды политических кругов империи на судьбу восточных народов, подкрепленные представлениями об их культурной отсталости. Поэтому для него стало характерным административное вмешательство России в самобытный процесс жизнедеятельности казахского социума, стремление установить темпы, формы и направления его дальнейшего развития. Непризнание равенства европейской и восточной культур, права на автономный путь исторического развития Азии исключало признание за казахским обществом полных гражданских прав и свобод.

В то же время факт отправки депутатских миссий казахских родоправителей к императорскому двору в 20–30 гг. XIX в. и круг вопросов, который обсуждался двумя сторонами в ходе данных визитов, позволяет говорить о том, что, несмотря на европоцентризм, Россия не исключала возможности диалога и партнерства с восточными народами, попавшими в сферу ее влияния и интересов.

Выявленные и проанализированные материалы депутатских миссий султанов Среднего жуза, последовавших в Петербург после введения Устава о сибирских киргизах 1822 г., демонстрируют содержание российско-казахского диалога, направленного на нивелировку и урегулирование наиболее острых проблем, обозначившихся в ходе реализации реформы. Среди них дальнейшая судьба института ханской власти в Среднем жузе, социальный статус старших султанов и султанов-заседателей окружных приказов, вопросы оседания кочевников, их налогообложения, воинской повинности, формирования в степи сети российских начальных школьных учреждений.

В процессе обсуждения совокупности данных проблем центральные российские власти ориентировались на мнение региональной администрации (в лице генерал-губернаторов Западной Сибири), в большей степени разбиравшейся в специфике реализации Устава 1822 г. и владевшей более объективной информацией. При этом Россия демонстрировала лояльность и готовность идти на компромисс в вопросах, кардинальным образом не нарушавших ход и логику начавшихся в Среднем жузе административных преобразований. В противном случае она занимала принципиальную позицию и отстаивала свои интересы. Наиболее ярко данная ситуация проявилась в вопросе дальнейшей судьбы института ханской власти, ликвидированного в Среднем жузе накануне введения в действие Устава 1822 г. Попытки казахских депутатских миссий его реанимации шли вразрез со стремлением России к политическому закреплению в регионе и потому были отвергнуты ею в категоричной форме.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (№ 33.2177.2017/4.6).

Литература

Алпыспаева, Саяхимова, 2018 – Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Роль казачьих отрядов в основании внешних округов и укреплений в казахской степи в XIX в. // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2018. Т. 12. № 1. С. 17-22.

Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата, 1947. 230 с.

Быков, 2003 – Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. 267 с.

Васильев, 2014 – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX веков. М., 2014. 471 с.

Васильев, 2015 – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: административное моделирование пространства // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2015. 4 (16). С. 65-82.

Галиев, 1993 – Галиев В.З. Движущие силы народно-освободительной борьбы под предводительством Кенесары Касымова // *Сборник статей Аблай хан Кенесары*. Алматы, 1993. С. 101-112.

Ермекебай, 2018 – Ермекебай Ж.А. Западносибирская администрация и казахское самоуправление в первой половине XIX в.: новации и традиции // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2018. Т. 24. С. 18-27.

Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.

Лысенко, Анисимова и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2014. 271 с.

Лысенко, Куликова, 2013 – Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–1 (80). С. 181-188.

Любичанковский, 2013 – Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 3 (40). С. 59-68.

Морозов, 2011 – Морозов В.И. М.М. Сперанский и административная реформа в Сибири (1819–1822) // *Научные труды Северо-Западного института управления*. 2011. Т. 2. № 3 (4). С. 138-152.

Национально-освободительная борьба..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Алматы, 1996. 512 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ремнев, Суворова, 2013 – Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация азиатской России: имперские и национальные сценарии. Омск, 2013. 248 с.

Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova S.N., Jumaliyeva K.D. Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20–60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 176-187.

Larina, Shaidurov, 2015 – Larina O., Shaidurov V. European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6. Is. 5(1). pp. 460-466.

Lysenko, 2019 – Lysenko Yuliya A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148.

Shaidurov, 2014a – Shaidurov V. Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. pp. 239-244.

Shaidurov, 2014b – Shaidurov V. Siberian Polonus as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. pp. 245-251.

Shaidurov, Norkina, 2015 – Shaidurov V., Norkina E.S. Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19–Beginning of the 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Is. 3. pp. 623-632.

References

Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova S.N., Jumaliyeva K.D. (2019). Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20–60s of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 176-187. [in Russian]

Alpyspayeva, Sayakhimova, 2018 – Alpyspayeva G.A., Sayakhimova Sh.N. (2018). Rol kazachikh otryadov v osnovanii vneshnikh okrugov i ukrepleniyy v kazakhskoy stepi v XIX v. [The role of Cossack units in the Foundation of external districts and fortifications in the Kazakh steppe in the XIX century]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk*. Т. 12, No 1. pp. 17-22. [in Russian]

Bekmahanov, 1947 – Bekmahanov E.B. (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20 – 40 years of the XIX century]. М. 230 p. [in Russian]

Bykov, 2003 – Bykov A.Yu. (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana: Problema sedentarizatsii v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX v. [The origins of the modernization of Kazakhstan: the challenge of sedentarization in Russian politics of the XVIII – beginning of XX century]. Barnaul, 267 p. [in Russian]

Ermekebay, 2018 – Ermekebay Zh.A. (2018). Zapadnosibirskaya administratsiya i kazakhskoye samoupravleniye v pervoy polovine XIX v.: novatsii i traditsii [West Siberian administration and Kazakh self-government in the first half of the XIX century: innovations and traditions]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Т. 24, pp. 18-27. [in Russian]

Galiyev, 1993 – Galiyev V.Z. (1993). Dvizhushchiye sily narodno-osvoboditelnoy borby pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova [The driving forces of the people's liberation struggle led by Kenesary Kasymov]. *Sbornik statey Ablay khan. Kenesary*. Алматы, pp. 101-112. [in Russian]

Larina, Shaidurov, 2015 – Larina O., Shaidurov V. (2015). European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles). *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6. Is. 5(1). pp. 460-466.

Lysenko, 2019 – Lysenko Y.A. (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148.

Lysenko, Anisimova i dr., 2014 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V. i dr.* (2014). Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]

Lysenko, Kulikova, 2013 – *Lysenko Yu.A., Kulikova M.V.* (2013). Sistema mestnogo samoupravleniya v kazakhskoy stepi: ideologiya reform i problemy realizatsii (konets XVIII – seredina XIX v. [The system of local self-government in the Kazakh steppe: the ideology of reforms and implementation problems (late XVIII – mid XIX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 4–1 (80), pp. 181–188. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2013 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2013). Imperiya Romanovykh i problema upravleniya kulturno-geterogennym prostranstvom [Romanov's empire and the problem of control over a culturally heterogeneous territory]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 3 (40). pp. 59–68. [in Russian]

Morozov, 2011 – *Morozov V.I.* (2011). M.M. Speranskiy i administrativnaya reforma v Sibiri (1819–1822) [Speransky and administrative reform in Siberia (1819–1822) // Proceedings of the North-Western Institute of management]. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. T. 2, No 3 (4), pp. 138–152. [in Russian]

Natsionalno-osvoboditelnaya borba..., 1996 – Natsionalno-osvoboditelnaya borba kazakhskogo naroda pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova. [National liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesary Kasymov]. Almaty, 1996, 512 p. [in Russian]

Remnev, Suvorova, 2013 – *Remnev A. V., Suvorova N. G.* (2013). Kolonizatsiya aziatskoy Rossii: imperskie i natsionalnye stsensarii [Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios]. Omsk, Nauka Publ., 248 p. [in Russian]

РГИА – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive].

Shaidurov, 2014a – *Shaidurov V.* (2014). Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2. pp. 239–244. [in Russian]

Shaidurov, 2014b – *Shaidurov V.* (2014). Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2. pp. 245–251. [in Russian]

Shaidurov, Norkina, 2015 – *Shaidurov V., Norkina E.S.* (2015). Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19–Beginning of the 20th Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 623–632. [in Russian]

Vasilyev, 2014 – *Vasilyev D.V.* (2014). Rossiya i Kazakhskaya step: administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [Russia and Kazakh steppe: administrative policies and the status of the suburbs. XVIII – early XIX century]. M. 471 p. [in Russian]

Vasilyev, 2015 – *Vasilyev D.V.* (2015). Rossiya i Kazakhskaya step v pervoy polovine XIX veka: administrativnoye modelirovaniye prostranstva [Russia and the Kazakh steppe in the first half of the XIX century: administrative modeling of space]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. №4(16), pp. 65–82. [in Russian]

Zimanov, 1960 – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. Alma-Ata [The political system of Kazakhstan in the late XVIII century and the first half of the XIX century]. 247 p. [in Russian]

«Если возможно, возвести в ханское достоинство»: восприятие этноэлитой Среднего жуза реформ 20-х гг. XIX в. (по материалам депутатских миссий казахских султанов в Петербург)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документов, выявленных в РГИА, анализируются материалы депутатских миссий султанов Среднего жуза, последовавшие в Петербург после введения Устава о сибирских киргизах 1822 г. Подчеркивается, что, несмотря на европоцентризм и патерналистские взгляды политических кругов Российской империи в отношении казахского общества, депутатские миссии стали свидетельством готовности России вести с ними диалог и выстраивать партнерские отношения. В ходе депутатских миссий происходила нивелировка и урегулирование наиболее острых проблем, обозначившихся в процессе реализации Устава 1822 г. Среди них дальнейшая судьба института ханской власти в Среднем жузе, социальный статус старших султанов и султанов-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

заседателей окружных приказов, вопросы оседания кочевников, их налогообложения, воинской повинности, формирования в степи сети российских начальных школьных учреждений. Автор статьи приходит к выводу, что в процессе обсуждения совокупности данных проблем Россия демонстрировала лояльность и готовность идти на компромисс в вопросах, кардинальным образом не нарушавших ход и логику начавшихся в Среднем жузе административных преобразований. В противном случае она занимала принципиальную позицию и отстаивала свои интересы. Наиболее ярко данная ситуация проявилась в вопросе судьбы института ханской власти, ликвидированного в Среднем жузе накануне введения Устава 1822 г. Попытки казахских депутатских миссий его реанимации шли вразрез со стремлением России к политическому закреплению в регионе, поэтому были отвергнуты ею в категоричной форме.

Ключевые слова: Устав 1822 года, реформа, Российская империя, Средний жуз, казахи, ханская власть, ислам.